

Николай Ставрогин: "экспериментаторство" в морали (по роману Ф.М. Достоевского "Бесы")

Научный руководитель – Зуева Анна Сергеевна

Будылева Дарья Александровна

Студент (магистр)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Высшая школа государственного аудита, Кафедра экономических и финансовых расследований, Москва, Россия

E-mail: darja-budyljova@yandex.ru

Одной из центральных тем проблематики творчества Ф.М. Достоевского является вопрос о сущности морали, а именно: что есть мораль и существует ли она вне человека, подобно некому Абсолюту?

Ответ на данный вопрос писатель искал в религии, раскрывая через призму мировоззрения литературных героев свои идеи и размышления. Таким образом, для творчества Ф.М. Достоевского характерно объединение морально-психологической феноменологии и социально-философского исследования. Анализ персонажей Достоевского актуален с точки зрения возможности выработки эмпирической модели поведенческих феноменов посредством теоретической интерпретации.

Николая Ставрогина Достоевский «взял из сердца своего»[5], создав образ аристократа-экспериментатора, опытным путем стремящегося найти онтологическую основу добра и морали, приблизиться к Абсолюту и понять, что делает его таковым.

В поисках Абсолюта (т.е. Бога, по замыслу Ф.М. Достоевского) Николай Ставрогин формулирует две, на первый взгляд, противоположные, однако на самом деле тесно связанные теории: за несколько лет до событий, описанных в романе, Ставрогин в беседах с Шатовым развивает концепцию народа-богоносца; в это же время, раскрывая Кириллову идею «человекобога». Далее, Ставрогин, как садовник, посеяв семена своих идей в Шатове и Кириллове, наблюдает за их развитием, однако вовсе не для того, чтобы сделать в итоге выбор и окончательно принять одну из своих теорий. Как отмечает Н.А. Бердяев[1], Ставрогин к моменту действия романа уже мертв, мертв нравственно, весь роман лишь увертюра к физической гибели персонажа. Н.Г. Мехед справедливо называет психологию Ставрогина психологией приговоренного[6]. Соответственно, Ставрогин бессилён сделать выбор, он, подобно маятнику, мечется между логикой (человекобог) и верой (народ-богоносец), между своеволием и смирением. Почему?

Потому что Ставрогин истощился в «экспериментах» над моралью. Контактируя с окружающим миром, Ставрогин испытывал его на «прочность» нравственных идеалов и устойчивость критериев дозволенного, искал залога для веры, чтобы обрести в последней смысл жизни. Он не понимал, а вернее не желал понимать, что религия не приемлет залогов и человеку не дано познать и объяснить божественное логикой.

Все испытал и все перепробовал, познав «беспредельность» собственной силы и не найдя к чему ее приложить, Ставрогин стал живым трупом, презирающим результаты собственных экспериментов. А результатами как раз и явились «обезьяна»-Петр Верховенский с его революционными пятерками, «полунаука»-Шатов, «бог поневоле» - Кириллов и т.д. В этих персонажах вульгаризируются идеи Ставрогина, превращаясь порой в фарс, порой в драму, а порой в переложение «Апокалипсиса».

Однако самым главным и самым страшным для Ставрогина стал его эксперимент-преступление, совершенное с Матрешей. Предыдущие «петербургские похождения» явились

лишь предтечей главного вызова Ставрогина, брошенного им Богу. При этом подобный вызов изначально противоречил здравому смыслу, поскольку Ставрогин «бросает перчатку» не от того, что не верит в Бога, а от того, что слишком хочет поверить, но не может без залога (в данном случае - Божьей кары, возмездия). Неслучайно, Тихон говорит про Ставрогина, что он «духа святого чтит, не зная его»[2].

Однако возмездия в том, «овеществленном», насущном виде, в каком желал бы его Николай Всеволодович, не следует. Залога от небес нет. И Ставрогин вновь наедине со своей амбивалентностью, но уже с грузом ответственности за совершенное преступление на душе. Примечательно, что для Ставрогина нет разницы между грехом реальным и грехом мысленным (так и неизвестно, действительно ли был эпизод с Матрешей в жизни Ставрогина, или же он «налгал на себя»)[6]. Важно лишь то, что страдает Ставрогин вполне реально. И вполне реально не может сделать выбор между верой и безверием, а впоследствии и между концепциями «народа-богоносца» и «человекобога», поскольку каждая требует вначале однозначного ответа на вопрос о вере. А истинное отношение Ставрогина к Богу, окончательно сформировавшееся в результате экспериментов, сводится к следующему: «если верует, то не верует, что он верует. Если же не верует, то не верует, что он не верует»[2].

Вывод напрашивается сам собой: экспериментаторство не только не помогло Ставрогину найти Абсолют, сформировать свою онтологическую опору, но наоборот, отдалило его от Бога, от морали, от красоты. Последнее замечание неслучайно. В записных тетрадах к роману Ф.М.Достоевский подробно описывает начальное, еще не испорченное экспериментами мировоззрение Ставрогина (Князя), которое сводится к следующему: «нравственность и вера одно», мораль зависима от религии, вторична по отношению к ней, а в религии (православие) - красота (образ Христа), которая есть основа нравственности[4]. Именно поэтому Ставрогин понимает слова Тихона о том, что его покаяние «некрасивость убьет»[2].

Первоначальный, «черновой» Князь выражает идеи самого Достоевского: православие деятельное, возрождение каждого через самосовершенствование и духовное самовоспитание, и, как итог, нравственное преображение всего общества. Если бы Князю математически доказали что истина вне Христа, то он скорее предпочел бы остаться с Христом, нежели с истиной[2]. Но Ставрогин в окончательной версии романа - только ироническая «маска», тень от светлого образа Князя. У романного Ставрогина «великая праздная сила нарочито ушла в мерзость»[2], его «съела» идея человеческим разумом, логикой и экспериментами познать божественный закон, который можно лишь принять (т.е. поверить без залога). Ставрогин свой крест не вынес: самоубийство нравственное («преступление-эксперимент» с Матрешей) повлекло физическое самоубийство.

Таким образом, посредством феномена Ставрогина Ф.М.Достоевский утверждает, что нельзя служить Богочеловеку и Человекобогу одновременно, иначе начинается «беснование вместо творчества» и созидания[1]. Свойственное Человекобогу «логическое экспериментаторство» в морали и над моралью недопустимо, а понять смысл существования можно лишь «полюбив жизнь прежде логики»[3].

Источники и литература

- 1) Бердяев Н.А. Ставрогин// Русская мысль, 1914. Кн. V. С. 80-89.
- 2) Достоевский Ф.М. Бесы. М.: Эксмо.2014.-704 с.
- 3) Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. Роман в четырех частях с эпилогом. СПб.: Тип. бр. Пантелеевых, 1881. Т. I. 509 с.
- 4) Достоевский Ф.М. Записные тетради. М.-Л. Academia.1935.- 476 с.

- 5) Достоевский Ф.М. Собрание сочинений: В 15 т. СПб., 1996. Т. 15.
- 6) Мехед Н.Г. Крест и Беси Николая Ставрогина. Экспериментальный путь героя к Абсолюту. М.:Вече,2018.-352 с.